

С.К. Волков, Н.В. Кетько

**СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ И МЕХАНИЗМЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ
(на примере Волгоградской области)**

Цель настоящего исследования – анализ текущих трендов развития сельских территорий и выработка рекомендаций по их трансформации. Объектом исследования выступили сельские поселения Волгоградской области. Предмет исследования – социально-экономические процессы, протекающие в муниципальных районах Волгоградской области. Методы исследования – системный логический анализ, корреляционный анализ, статистический анализ. Кроме того, проводилось анкетирование (интернет-опрос) жителей сельской местности пяти муниципальных районов Волгоградской области.

Выявлены тренды социально-экономического развития сельских поселений в контексте изменения численности населения региона, гендерно-возрастного состава населения, динамики прибытия и убытия, количества городских и сельских поселений, а также динамики изменения численности населения муниципальных районов и городских округов. Установлено, что изменение численности населения муниципальных районов Волгоградской области имеет отрицательный тренд. При этом для муниципальных районов с высокой долей сельского населения характерна в целом более низкая численность населения. Также выявлены и проранжированы основные проблемы социально-экономического развития сельских поселений с точки зрения привлекательности этих территорий для проживания и ведения хозяйственно-экономической деятельности. Сформулированы рекомендации по изменению сложившейся ситуации и решению конкретных проблем сельских территорий.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут рассматриваться как один из этапов широкой исследовательской программы по разработке методологической базы стратегического развития сельских территорий на основе создания креативных центров как «контролируемых точек роста». Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при формировании пространственных стратегий развития сельских территорий.

Ключевые слова: сельские территории; регион; пространственное развитие; демография; инфраструктура; креативные центры; муниципальные районы; предпринимательство

Для цитирования: Волков С.К., Кетько Н.В. Сельские территории современной России: тренды развития и механизмы трансформации (на примере Волгоградской области) // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 100–122. DOI: 10.15372/REG20200405.

Согласно Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, «сельские территории являются важнейшим ресурсом страны»¹. Развитие сельских территорий – одно из перспективных направлений развития страны, так как сельское хозяйство может стать точкой экономического роста. Это связано с тем, что рост населения планеты порождает спрос на продукты питания, которые необходимы человечеству для продолжения жизнедеятельности. Особой категорией становятся экологически чистые продукты, без ГМО, сои и искусственных заменителей, и в их производстве у России есть предпосылки стать мировым лидером. Однако в настоящее время сельские территории характеризуются асинхронностью социально-экономического развития в сравнении с городскими. Старение сельского населения [5, с. 151–184], износ инженерной и социальной инфраструктур [1, с. 442–448], уменьшение

¹ См.: Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. – URL: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf>.

доходов [4, с. 62–71] и, как следствие, массовый отток населения с сельских территорий [6, с. 192–211] являются стратегическими вызовами, которые не только встают перед главами субъектов Федерации и муниципальных образований, но и несут системную угрозу для национальной безопасности и территориальной целостности страны.

Целью настоящего исследования являются анализ текущих трендов развития сельских территорий, выявление основных проблем и выработка рекомендаций по их трансформации или преодолению. Объектом исследования выбраны сельские поселения Волгоградской области в связи с доступностью статистических данных, репрезентативностью трендов развития сельских территорий области в сравнении с другими российскими регионами, высокой долей АПК в структуре ВРП области.

МЕТОДОЛОГИЯ

В качестве методологии исследования были выбраны два направления: статистическое исследование и анкетирование. В рамках первого использовались следующие методы: статистическое наблюдение, сводка и группировка материалов статистического наблюдения, выборка необходимых данных. Эти методы применялись для анализа динамики изменения численности населения региона, динамики гендерно-возрастного состава населения, динамики прибытия и убытия населения, для сравнительного анализа динамики количества городских и сельских поселений, а также для анализа динамики изменения численности населения муниципальных районов и городских округов.

В рамках второго направления исследования было проведено анкетирование сельских жителей из пяти муниципальных районов: Даниловского, Дубовского, Иловлинского, Котельниковского и Ленинского. Выбор муниципальных районов производился по принципу наличия личных знакомых в этих районах и возможности распространения анкет среди референтных групп (население в возрасте 20–45 лет). Анкетирование было организовано в виде интернет-опроса при помощи онлайн-приложения Google Формы. Выбор формата опроса был обусловлен невозможностью проведения очных встреч

и бесед с респондентами, а также необходимостью географической диверсификации участников. Общая выборка составила 274 чел. Анкетирование (интернет-опрос) было проведено в два этапа.

Цель первого этапа интернет-опроса состояла в выявлении основных проблем социально-экономического развития сельских поселений, которые, по мнению жителей, являются критическими с точки зрения привлекательности территории для проживания и ведения хозяйственно-экономической деятельности. Респондентам предлагалось самостоятельно выделить не менее трех наиболее значимых проблем. По результатам первого этапа был сформирован список проблем. В данный список попадали лишь те проблемы социально-экономического развития, которые были упомянуты не менее 10 раз различными респондентами. В итоге было выделено семь основных проблем.

Второй этап интернет-опроса проводился с целью сужения предметной области исследования, которое заключалось в ранжировании выделенных проблем сельских территорий по степени их важности для жителей. Респондентам предлагалось проранжировать выделенные на первом этапе проблемы по степени значимости: цифра 1 соответствовала самой важной для респондента проблеме, цифра 7 – наименее важной.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По состоянию на 1 января 2020 г. на территории Волгоградской области выделено шесть городских округов (г. Волгоград, г. Камышин, г. Волжский, г. Фролово, г. Михайловка, г. Урюпинск), 32 муниципальных образования (на территории которых находится 29 городских поселений) и 399 сельских поселений. Общая численность населения области – 2 507 509 чел. Несмотря на то что сельские поселения составляют большую часть административно-территориальных образований Волгоградской области, 70% населения проживает в городских округах и городских поселениях.

По итогам 2019 г. Волгоградская область вошла в список регионов с наивысшим показателем убыли населения, которая составила

15,8 тыс. чел. Как показывают результаты статистического наблюдения, в области начиная с 2009 г. фиксируется стабильная динамика убыли населения вплоть до 2019 г.: за эти годы население региона уменьшилось с 2 618 062 до 2 507 509 чел., общая убыль составила 110 553 чел., в среднем область теряла 11 тыс. чел. в год. Для выявления основных причин сохраняющейся на протяжении десятилетия убыли населения в рамках нашего исследования был проведен анализ динамики численности населения Волгоградской области в разрезе муниципальных районов, который выявил отрицательный тренд

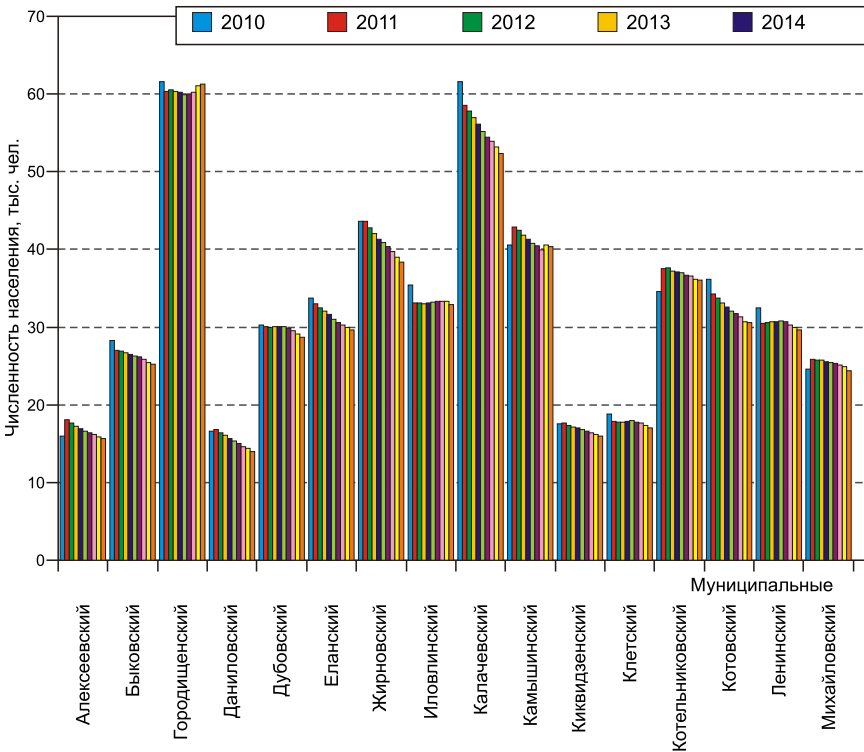
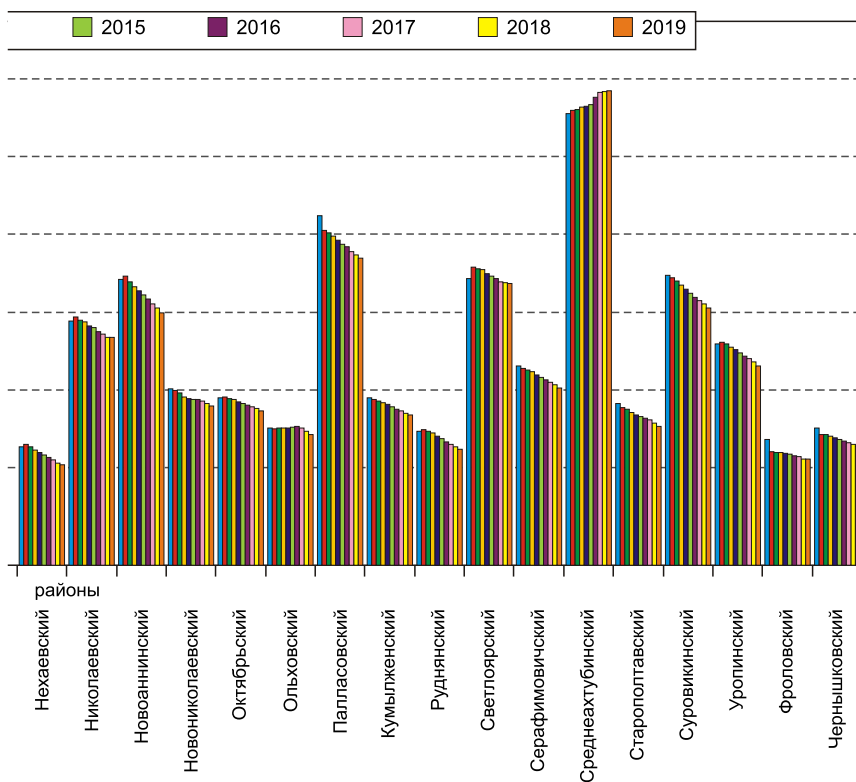

Рис. 1. Динамика численности населения Волгоградской области
 Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы

практически во всех муниципальных районах региона (рис. 1). Как видно из рисунка, основной тенденцией динамики населения Волгоградской области является постоянная его убыль в муниципальных районах в течение последних 10 лет. Исключение составили Среднеахтубинский и Городищенский районы, где наблюдается рост численности населения, причем если в Среднеахтубинском районе этот рост стабилен, то в Городищенском имела место отрицательная динамика численности населения, которая затем была переломлена и перешла в положительную.

области в разрезе муниципальных районов
государственной статистики по Волгоградской области

Общий анализ статистических данных позволил выявить наличие постоянного отрицательного тренда численности населения в Волгоградской области, определение же причин его формирования требует более детального изучения выявленных тенденций по расширенному списку критериев. Для повышения достоверности результатов исследования необходимо проанализировать закономерности изменения численности населения региона по отдельным сегментам, для того чтобы определить убыль по естественным причинам, которая свидетельствует о низком уровне развития социальной сферы и сферы здравоохранения в регионе, и выделить в отдельную категорию убыль по факту миграции, причинами которой являются помимо социальных также и экономические обстоятельства. В рамках настоящего исследования был проведен анализ тенденций убыли по референтным группам, сформированным по половой, возрастной и территориальной (городской или сельской) принадлежности [23, с. 1–22; 24 с. 31–40].

Проведение сегментированного исследования позволит впоследствии разработать двухэтапную программу мероприятий по преодолению постоянной убыли населения в Волгоградской области. Первый этап – это мероприятия, устраняющие общие причины, вызывающие отток населения. Второй этап – специальные мероприятия отдельно для групп риска, в которых наблюдается наивысший уровень убыли.

Анализ динамики численности населения по критерию распределения городского и сельского населения в муниципальных районах Волгоградской области (рис. 2) показал, что наибольшая численность отмечается в Городищенском и Среднеахтубинском районах, наиболее близких к г. Волгограду и г. Волжскому, которые образуют довольно большую агломерацию. Население этих районов в достаточной степени урбанизированно, часть их жителей работают не по месту проживания. Кроме того, они имеют доступ к торговым сетям и организациям досуга названных городов, что увеличивает качество жизни в данных районах. Надо отметить, что второй по размерам город Волгоградской области после Волгограда – г. Камышин не демонстрирует подобных резко выделяющихся значений, достаточно сильно выделяется в большую сторону по числу жителей только Калачев-

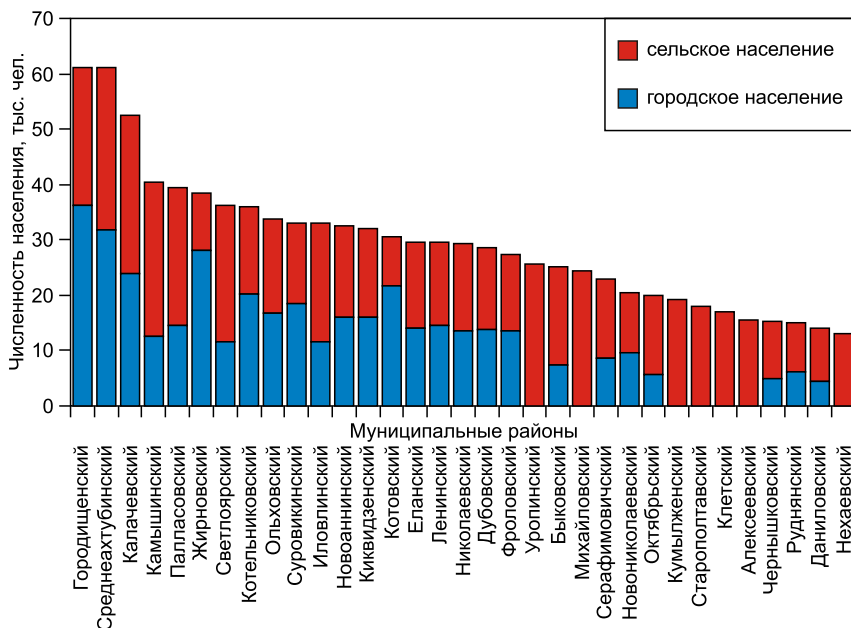

Рис. 2. Численность городского и сельского населения в муниципальных районах Волгоградской области на 01.01.2019 г.

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области

ский район. Это связано с удаленностью Камышина от центра области – Волгограда. Рост населения Среднеахтубинского района стимулируется транспортной доступностью Волгограда после строительства моста через р. Волгу, что расширило возможности как трудоустройства, так и потребления.

Большая часть муниципальных районов Волгоградской области образуют достаточно однородную совокупность, при этом для районов с высокой долей сельского населения характерна в целом более низкая численность населения ($r = -0,62$, что показывает умеренную обратную связь; рис. 3). В семи муниципальных районах городское население отсутствует (при этом для Урюпинского и Михайловского

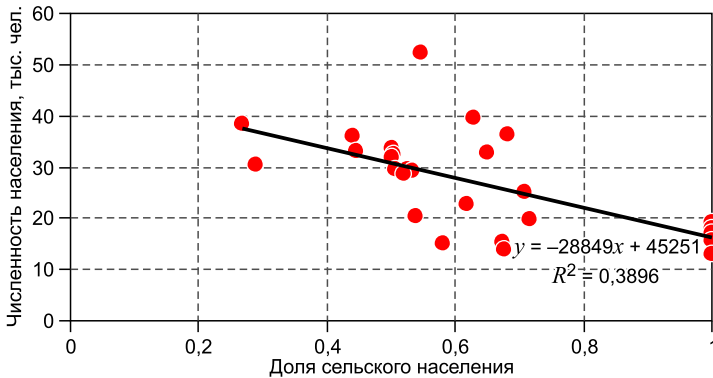

Рис. 3. Взаимосвязь между долей сельского населения и общей численностью населения (для муниципальных районов, не включающих крупные города и не находящихся близко к г. Волгограду) на 01.01.2019 г.

Источник: составлено авторами

районов не учитывается численность жителей городов Урюпинск и Михайловка).

Анализ динамики численности населения в разрезе половой и территориальной принадлежности выявил, что, во-первых, для Волгоградской области характерно превышение численности женщин над численностью мужчин как в городах, так и в сельской местности, а во-вторых, бóльшая убыль наблюдается у референтной группы «женщины», тогда как по территориальной принадлежности сокращение городского и сельского населения имеет примерно одинаковые темпы (рис. 4). Таким образом, можно сделать предположение, что причины сокращения численности населения не имеют сильной связи с условиями проживания, такими как наличие социально-культурной и досуговой инфраструктуры. Однако далее это предположение будет опровергнуто. Также данные причины не имеют сильной зависимости от гендерной принадлежности населения. Поскольку явной связи между убылью населения и гендерно-территориальной принадлежностью не наблюдается, было проведено исследование убыли населения по референтным группам, сформированным по возрастному критерию (рис. 5).

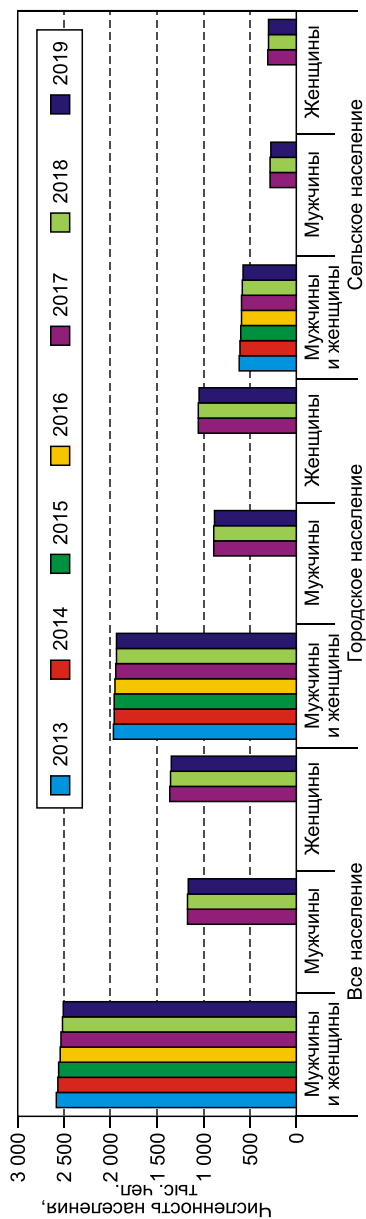

Рис. 4. Динамика состава населения Волгоградской области по половой и территориальной принадлежности
Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области

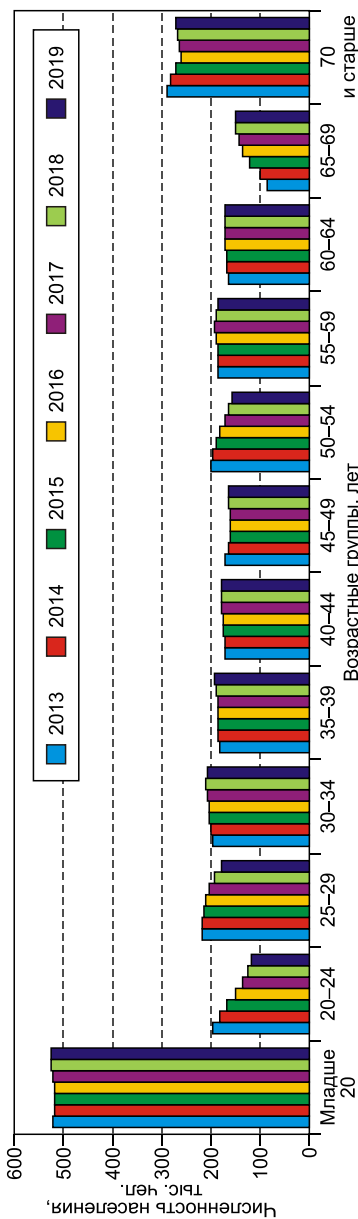

Рис. 5. Динамика численности населения Волгоградской области по возрастным группам
Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области

Анализ статистических данных по возрастным группам показал, что в последние пять лет в Волгоградской области наблюдается снижение численности населения, в первую очередь в возрастных группах 20–24 года, 25–29 лет, 50–54 года. Можно предположить, что группа 50–54 года имеет тенденцию убыли в связи с ростом смертности населения этого возраста, а вот группы 20–24 года и 25–29 лет имеют тенденцию к миграции. Эти две группы требуют особого внимания при анализе, поскольку именно они являются перспективными в плане воспроизводства трудовых ресурсов. Надо также отметить, что в регионе наблюдается тенденция роста численности населения в группе 65–69 лет. Помимо миграционных процессов на динамику возрастных групп влияет сама структура населения: пики численности населения, которые в 2013 г. приходились на возраст 20–29 лет и 50–59 лет, сменились спадами. При этом пик численности жителей возраста 50–59 лет перешел вправо, приведя к росту численности группы 65–69 лет, однако соответствующий рост численности группы 30–34 года значительно ниже ожидаемого. Это можно объяснить оттоком из региона граждан трудоспособного возраста, особенно потенциально трудоспособных в возрасте 20–24 года. Сокращение численности молодежи приводит к увеличению нагрузки на трудоспособное население, связанной с содержанием нетрудоспособного.

Далее исследование было сосредоточено на выявлении и ранжировании по степени важности для респондентов основных проблем социально-экономического развития сельских поселений, которые, по их мнению, являются критическими с точки зрения привлекательности территории для проживания и ведения хозяйственно-экономической деятельности. Гендерно-возрастные характеристики опрошенных представлены в табл. 1.

По результатам онлайн-опроса жителей сельской местности Волгоградской области было выявлено семь основных проблем социально-экономического развития сельских поселений (табл. 2). Главными проблемами, вызывающими постоянный отток жителей из их поселений, респонденты назвали отсутствие достойно оплачиваемой работы и недостаточный уровень развития инфраструктуры, в том числе низкий уровень медицинского обслуживания.

Таблица 1

Гендерно-возрастные характеристики опрошенных жителей сельских поселений Волгоградской области, 2020 г., чел.

Муниципальный район	Мужчины	Женщины	Возраст, лет		
			20–24	25–34	35–44
Даниловский	15	18	15	8	10
Дубовский	33	17	18	13	19
Иловлинский	36	35	21	25	25
Котельниковский	58	30	33	26	29
Ленинский	12	20	12	10	10

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Проблемы социально-экономического развития сельских поселений Волгоградской области, 2020 г.

Проблема	Кол-во упоминаний в ответах	
	абс.	%
Отсутствие достойных рабочих мест / низкий уровень дохода	111	23
Низкий уровень медицинских услуг	88	18
Неразвитые социально-культурная и инженерная инфраструктуры	83	17
Косность мышления местного населения и администрации	72	15
Невозможность саморазвития	59	12
Отсутствие досуговых мест	45	9
Удаленность от регионального центра	24	6

Источник: составлено авторами.

Для того чтобы ранжировать полученные в ходе онлайн-опроса проблемы социально-экономического развития сельских поселений, было применено девятое правило системы «скейтинг». Согласно этому правилу необходимо найти сумму оценок каждого фактора. Затем факторы располагаются в порядке возрастания соответственно полученным оценкам. Фактор, оценка которого будет минимальной, и есть самый важный, по мнению респондентов, остальные факторы распределяются в порядке уменьшения важности для участников опроса.

По результатам онлайн-опроса проблемы социально-экономического развития сельских поселений Волгоградской области были проанжированы следующим образом:

<i>Проблема</i>	<i>Значение</i>
1. Отсутствие достойных рабочих мест / низкий уровень дохода	660
2. Неразвитые социально-культурная и инженерная инфраструктуры	792
3. Низкий уровень медицинских услуг	897
4. Косность мышления местного населения и администрации	950
5. Невозможность саморазвития	1 082
6. Отсутствие досуговых мест	1 372
7. Удаленность от регионального центра	1 663

Согласно результатам ранжированной оценки выявленных проблем наиболее значимыми для жителей сельских поселений оказались проблемы трудоустройства на места с достойным уровнем оплаты труда, неразвитые инженерная инфраструктура и социально-культурная составляющая, а также низкий уровень здравоохранения. В то же время удаленность от регионального центра является для них наименее значимой проблемой, хотя строительство моста, который значительно расширил возможности трудоустройства для жителей Среднеахтубинского муниципального района, вызвало тем самым рост численности его населения. Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что по мере развития современных информационно-коммуникационных технологий фактор расстояния (локализации) становится менее критичным для граждан.

ОБСУЖДЕНИЕ

Тренд, наблюдаемый на примере сельских поселений Волгоградской области, характерен для сельских территорий всей страны. По данным официальной статистики, численность сельского населения постоянно снижается, начиная с 2001 г. общая убыль населения сельских территорий составила 1,9 млн чел. и на 1 января 2019 г. сельских жителей было 37,3 млн чел. (25% всех жителей страны)². Россия является страной с высоким уровнем урбанизации, что отражает общемировой тренд развития.

Наблюдаемый рост численности сельского населения в отдельных муниципальных образованиях (как, например, в Среднеахтубинском и Городищенском районах Волгоградской области) объясняется исключительно изменением (расширением) их территориальных границ и не может являться показателем улучшения социально-экономических характеристик исследуемых территорий и повышения их привлекательности для резидентов. Можно сделать вывод о наличии тенденции вымывания населения из сельской местности в города, причем зачастую наблюдается перемещение из периферийных регионов страны в центральные (преимущественно европейские)³.

Среди основных проблем социально-экономического развития сельских поселений доминируют социальные (неразвитость социально-культурной инфраструктуры, низкий уровень медицинских услуг, отсутствие досуговых мест, невозможность саморазвития), которые существенно влияют на качество жизни сельского населения.

Корреляционный анализ показал, что в возрастной референтной группе 20–24 года доля лиц, выделявших социальные проблемы как наиболее важные, составила 72%, в то время как экономическую проблему (отсутствие достойных рабочих мест / низкий уровень дохода) в качестве наиболее важной отметили 94% респондентов старше 35 лет. Референтная группа 25–34 года заняла промежуточное

² См.: *Россия в цифрах*. 2019: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 74.

³ См.: *Volkov S. Social and economic disproportion of development of Russian territories // Regional and Sectoral Economic Studies*. – 2015. – Vol. 15 (2). – P. 137–144.

положение: 36% среди основных проблем назвали социальные, 48% – экономические. Можно предположить, что для более молодого поколения (к этой же группе с большой долей вероятности можно отнести людей моложе 20 лет) наличие развитой социально-культурной и досугово-развлекательной инфраструктуры, а также возможность активной жизни и самореализации являются витальной потребностью, формирующей жизненные предпочтения. Для более старшего поколения ключевые факторы привлекательности территории – возможность заработка и обеспечения финансового благополучия одновременно с возможностью удовлетворения базовых потребностей жизнеобеспечения (в частности, это доступность качественных медицинских услуг).

Ни в одной из референтных групп не была выделена удаленность от регионального центра как ключевая проблема с точки зрения привлекательности территории для проживания и ведения хозяйственно-экономической деятельности. Не наблюдается корреляции в зависимости от удаленности муниципальных районов от регионального центра – г. Волгограда. Таким образом, фактор расстояния не может служить препятствием для проживания в сельской местности. Однако проблемы, помеченные выше номерами 4, 5, 6, 7, являются зависимыми с первыми тремя, так как порождают их.

ВЫВОДЫ

Современные сельские территории, не только в России, сталкиваются с серьезной проблемой оттока местного населения в города и городские агломерации [14, с. 490–498; 20; 21, с. 441–459]. В условиях глобальной конкуренции за все виды ресурсов, и прежде всего человеческие [9, с. 17–40], остро встает вопрос о существовании сельских поселений в том виде, в каком они существовали сотни лет. В результате проведенного исследования был выявлен отрицательный тренд, формирующий отток сельского населения и расширение городских агломераций [11, с. 64–79] за счет присоединения близлежащих сельских территорий. В связи с этим возникает необходи-

мость системного переосмысления концептуальных подходов к пространственному развитию сельских территорий и совершенствованию теоретико-методической и инструментальной базы стратегического планирования и управления развитием сельских территорий. Нужны новые подходы к развитию пространств с учетом смены поколений, прежде всего с учетом появления центениалов и поздних миллениалов с их новыми, отличающимися от таковых у других поколений ценностями и мировоззрением, привычками, характером и образом мышления, а соответственно, и с новыми потребностями как в профессиональной деятельности, так и в организации досуга и жизненного пространства.

Не претендуя на абсолютный характер предлагаемых в рамках данного исследования выводов, постараемся сделать некоторые рекомендации по изменению сложившейся ситуации и решению конкретных проблем сельских территорий.

Проблема «отсутствие достойных рабочих мест / низкий уровень дохода», которая исторически связана с тем, что высокая доля в структуре занятости и структуре валового внутреннего продукта приходилась на агропромышленный комплекс, требует переориентации на сервисные виды деятельности (туризм, креативные отрасли, финансовые услуги, наука и исследования, IT-услуги и проч.). Логика постиндустриального развития предполагает трансформацию экономического уклада, переход от промышленного сектора экономики в сторону третичного и четвертичного секторов. Развитие несельскохозяйственного предпринимательства может стать точкой роста сельских территорий. Наиболее перспективными направлениями развития являются, на наш взгляд, туризм [10, с. 22–37], творческие виды деятельности (литература, изобразительное искусство, музыка, дизайн и др.), сфера IT, т.е. те профессии, представителей которых профессор Р. Флорида назвал «креативным классом» [7; 8]. Тренд на экологичность, аутентичность и уединенность у представителей данных профессий может дать дополнительные преимущества сельским территориям в плане привлечения таких специалистов [22, с. 698–809].

Формирование креативных центров на базе сельских территорий будет способствовать трансформации сознания местных жителей и местной администрации [12, с. 391–423], так как возникнет социальный спрос на иные сервисы и общественные услуги. Креативные центры в данном случае понимаются нами как социально-экономические кластеры, созданные в сельской местности для развития несельскохозяйственного предпринимательства с активным вовлечением творческих специалистов для генерирования, обмена и потребления новых идей. Таким образом, креативные центры в сельской местности будут выполнять не только экономические функции, но и рекреационные, образовательные и культурно-просветительские.

Проблемы «неразвитые социально-культурная и инженерная инфраструктуры», «низкий уровень медицинских услуг», «невозможность саморазвития» и «отсутствие досуговых мест» должны решаться за счет повышения уровня социальной ответственности территории по отношению к местному населению и резидентам [3]. Формирование привлекательного жизненного пространства на территории сельских поселений является первоочередной задачей муниципальных властей и федерального центра, выполнение которой будет способствовать позитивной трансформации качества социально-экономического роста сельских территорий.

Кроме всего прочего, сельским территориям необходимо усилить маркетинговую составляющую, озаботившись формированием стратегии позиционирования своих уникальных характеристик во внешней среде [2, с. 481–487]. Маркетинговая парадигма стратегического развития позволит сельским территориям повышать уровень конкурентоспособности в борьбе за привлечение дополнительных ресурсов. Акцент в позиционировании сельских территорий, на наш взгляд, целесообразно делать на стратегии формирования креативных центров. Многочисленные зарубежные кейсы маркетинга территорий подкрепляют данное положение [13; 15–19; 25]. Предполагается, что особую эффективность таких креативных центров может подтвердить их позиционирование в качестве особого типа кластерных структур, что подразумевает активное участие в их создании и развитии широ-

кого круга заинтересованных сторон: населения, научно-образовательных организаций, органов власти, бизнес-субъектов и т.д.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 20-010-00072 «Формирование креативных центров пространственного развития как механизм повышения качества жизни населения сельских территорий»)

Список источников

1. Баландин Д.А. Теоретические аспекты развития инфраструктуры сельских территорий // Журнал экономической теории. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 442–448.
2. Важенина И.С., Важенин С.Г., Сухих В.В. Особенности конкуренции территорий за доверие // Журнал экономической теории. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 481–487.
3. Волков С.К., Морозова И.А., Чулкова В.С. Социальная ответственность регионального менеджмента как фактор устойчивого развития российских территорий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 5. – С. 2–9.
4. Скальная М.М. Доходы сельского населения как фактор социальной устойчивости сельских территорий // АПК: экономика, управление. – 2018. – № 1. – С. 62–71.
5. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Изменения численности и половозрастной структуры населения Сибирского федерального округа и его регионов в 1989–2017 гг.: оценка последствий и рисков // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 2 (102). – С. 151–184.
6. Устинова К.А. Человеческий потенциал сельских территорий России: проблемы оценки и интерпретации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 2. – С. 192–211.
7. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2011. – 432 с.
8. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. – М.: Strelka Press, 2014. – 368 с.
9. Adler P.S., Kwon S.W. Social capital: Prospects for a new concept // Academy of Management Review. – 2002. – Vol. 27 (1). – P. 17–40.
10. Alves H.M.B., Cerro A.M.C., Martins A.V.F. Impacts of small tourism events in rural places // Journal of Place Management and Development. – 2010. – Vol. 3 (1). – P. 22–37.

11. *Atkinson R., Easthope H.* The consequences of the creative class: The pursuit of creativity strategies in Australia's cities // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 2009. – No. 33. – P. 64–79.
12. *Batabyal A.A., Beladi H.* The importance of creative capital for economic growth in the presence of learning by doing // *Regional Science Policy and Practice*. – 2015. – No. 7. – P. 187–197.
13. *Bayliss D.* The rise of the creative city: culture and creativity in Copenhagen // *European Planning Studies*. – 2007. – No. 15. – P. 889–903.
14. *Bijker R.A., Haartsen T., Strijker D.* Migration to less-popular rural areas in the Netherlands: Exploring the motivations // *Journal of Rural Studies*. – 2012. – Vol. 24 (8). – P. 490–498.
15. *Boschma R.A., Fritsch M.* Creative class and regional growth: empirical evidence from several European countries // *Economic Geography*. – 2009. – No. 85. – P. 391–423.
16. *Comunian R.* Rethinking the creative city // *Urban Studies*. – 2011. – Vol. 48 (6). – P. 1157–1179.
17. *Kourtit K., Nijkamp P.* Impact of cultural “ambiance” on the spatial distribution of creative professions: A modeling study on the Netherlands // *International Regional Science Review*. – 2018. – Vol. 41 (1). – P. 103–128.
18. *Kourtit K., Nijkamp P.* In search of creative champions in high-tech spaces: A spatial application of strategic performance management // *Journal of Regional Science*. – 2013. – Vol. 53 (5). – P. 749–777.
19. *Kourtit K., Nijkamp P.* The use of visual decision support tools in an interactive stakeholder analysis – Old ports as new magnets for creative urban development // *Sustainability*. – 2013. – No. 5. – P. 4379–4405.
20. *Merino F., Prats M.A.* Why do some areas depopulate? The role of economic factors and local governments // *Cities*. – 2020. – Vol. 97. – 102506.
21. *Nelson L., Nelson P.B.* The global rural: Gentrification and linked migration in the rural USA // *Progress in Human Geography*. – 2011. – Vol. 35 (4). – P. 441–459.
22. *Nyedomyśl T.* Promoting rural municipalities to attract new residents: An evaluation of the effects // *Geoforum*. – 2007. – No. 38. – P. 698–809.
23. *Pinilla V., Ayuda M.I., Saez L.* Rural depopulation and the migration turnaround in Mediterranean Western Europe: A case study of Aragon // *Journal of Rural and Community Development*. – 2008. – No. 3. – P. 1–22.
24. *Stockdale A.* The diverse geographies of rural gentrification in Scotland // *Journal of Rural Studies*. – 2010. – Vol. 26 (1). – P. 31–40.
25. *Vanolo A.* The image of the creative city: some reflections on urban branding in Turin // *Cities*. – 2008. – No. 25. – P. 370–382.

Информация об авторах

Волков Сергей Константинович (Россия, Волгоград) – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и предпринимательство» Волгоградского государственного технического университета (400005, Волгоград, просп. им. Ленина, 28, e-mail: ambiente2@rambler.ru).

Кетько Наталья Владимировна (Россия, Волгоград) – доктор экономических наук, профессор кафедры «Информационные системы в экономике» Волгоградского государственного технического университета (400005, Волгоград, просп. им. Ленина, 28, e-mail: gsa-buch@list.ru).

DOI: 10.15372/REG20200405

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 4 (108), p. 100–122

S.K. Volkov, N.V. Ketko

RURAL AREAS IN MODERN RUSSIA: DEVELOPMENT TRENDS AND TRANSFORMATION MECHANISMS (case study of Volgograd Oblast)

The study aims to analyze current trends in rural development and provide recommendations for their transformation. The object is rural settlements in Volgograd Oblast. The subject of the study is socio-economic processes taking place in municipal areas of Volgograd Oblast. The research methods are system logic analysis, correlation analysis, and statistical analysis. We have also conducted an (online) survey among rural dwellers from five municipal areas in Volgograd Oblast.

We have identified trends in the socio-economic development of rural settlements against changes in the region's population, age-sex structure, in- and outflow dynamics, the number of urban and rural settlements, as well as population dynamics in municipal areas and urban districts. It is established that population changes in Volgograd Oblast's municipal areas are decreasing. However, municipal areas with a high share of the rural population are

generally characterized by fewer residents. We have also identified and ranked the main problems of socio-economic development for rural settlements in terms of how attractive they are for residence and doing business. We provide recommendations on shifting the current situation and addressing specific issues that rural areas have.

The study's theoretical significance is that its results can be considered a stage of a broad research program to develop a methodological basis for rural areas' strategic development built upon newly established creative centers as "controlled growth points." The practical significance of the study lies in the possibility of using its results when shaping spatial strategies for rural development.

Keywords: rural areas; region; spatial development; demography; infrastructure; creative centers; municipal areas; entrepreneurship

For citation: Volkov, S.K. & N.V. Ketko. (2020). Selskie territorii sovremennoy Rossii: trendy razvitiya i mekhanizmy transformatsii (na primere Volgogradskoy oblasti) [Rural areas in modern Russia: development trends and transformation mechanisms (case study of Volgograd Oblast)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (108), 100–122. DOI: 10.15372/REG20200405.

*The research is prepared within the framework of the project
No. 20-010-00072 "Formation of creative centers of spatial development
as a mechanism for improving the quality of life in rural areas"
supported by funding from the Russian Foundation for Basic Research*

References

1. Balandin, D.A. (2018). Teoreticheskie aspekty razvitiya infrastruktury selskikh territoriy [Theoretical aspects of rural infrastructure development]. Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of the Economic Theory], Vol. 15, No. 3, 442–448.
2. Vazhenina, I.S., S.G. Vazhenin & V.V. Sookhikh. (2018). Osobennosti konkurentsii territoriy za doverie [Features of competition of territories for confidence]. Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of the Economic Theory], Vol. 15, No. 3, 481–487.
3. Volkov, S.K., I.A. Morozova & V.S. Chulkova. (2015). Sotsialnaya otvetstvennost regionalnogo menedzhmenta kak faktor ustoychivogo razvitiya rossiyskikh territoriy

[Social responsibility of regional management as a factor of the sustainable development of Russian territories]. *Natsionalnye interesy: priorityty i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], 5, 2–9.

4. *Skalnaya, M.M.* (2018). Dokhody selskogo naseleniya kak faktor sotsialnoy ustoychivosti selskikh territoriy [Income of rural people is as factor of social stability of rural territories]. *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: Economics, Management], 1, 62–71.

5. *Soboleva, S.V., N.E. Smirnova & O.V. Chudaeva.* (2019). Izmeneniya chislenosti i polovozrastnoy struktury naseleniya Sibirskogo federalnogo okruga i ego regionov v 1989–2017 gg.: otsenka posledstviy i riskov [Changes in the size and sex-age structure of the population in the Siberian Federal District and its regions from 1989 to 2017: impact assessment and risks]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (102), 151–184.

6. *Ustinova, K.A.* (2018). Chelovecheskiy potentsial selskikh territoriy Rossii: problemy otsenki i interpretatsii [Human potential of Russia's rural areas: assessment and interpretation]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 11, No. 2, 192–211.

7. *Florida, R.* (2011). *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The Rise of the Creative Class]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 432.

8. *Florida, R.* (2014). *Kto tvoy gorod? Kreativnaya ekonomika i vybor mesta zhitelstva* [Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where You Live the Most Important Decision of Your Life]. Moscow, Strelka Press, 368.

9. *Adler, P.S. & S.W. Kwon.* (2002). Social capital: Prospects for a new concept. *Academy of Management Review*, Vol. 27, No. 1, 17–40.

10. *Alves, H.M.B., A.M.C. Cerro & A.V.F. Martins.* (2010). Impacts of small tourism events in rural places. *Journal of Place Management and Development*, Vol. 3, No. 1, 22–37.

11. *Atkinson, R. & H. Easthope.* (2009). The consequences of the creative class: The pursuit of creativity strategies in Australia's cities. *International Journal of Urban and Regional Research*, 33, 64–79.

12. *Batabyal, A.A. & H. Beladi.* (2015). The importance of creative capital for economic growth in the presence of learning by doing. *Regional Science Policy and Practice*, 7, 187–197.

13. *Bayliss, D.* (2007). The rise of the creative city: culture and creativity in Copenhagen. *European Planning Studies*, 15, 889–903.

14. *Bijker, R.A., T. Haartsen & D. Strijker.* (2012). Migration to less-popular rural areas in the Netherlands: Exploring the motivations. *Journal of Rural Studies*, 24 (8), 490–498.

15. *Boschma, R.A. & M. Fritsch.* (2009). Creative class and regional growth: empirical evidence from several European countries. *Economic Geography*, 85, 391–423.

16. *Comunian, R.* (2011). Rethinking the creative city. *Urban Studies*, Vol. 48, No. 6, 1157–1179.

17. *Kourtit, K. & P. Nijkamp.* (2018). Impact of cultural “ambiance” on the spatial distribution of creative professions – A modeling study on the Netherlands. *International Regional Science Review*, Vol. 41, No. 1, 103–128.

18. *Kourtit, K. & P. Nijkamp.* (2013). In search of creative champions in high-tech spaces: A spatial application of strategic performance management. *Journal of Regional Science*, Vol. 53, No. 5, 749–777.

19. *Kourtit, K. & P. Nijkamp.* (2013). The use of visual decision support tools in an interactive stakeholder analysis – Old ports as new magnets for creative urban development. *Sustainability*, 5, 4379–4405.

20. *Merino, F. & M.A. Prats.* (2020). Why do some areas depopulate? The role of economic factors and local governments. *Cities*, 97, 102506.

21. *Nelson, L. & P.B. Nelson.* (2011). The global rural: Gentrification and linked migration in the rural USA. *Progress in Human Geography*, Vol. 35, Iss. 4, 441–459.

22. *Nyedomysl, T.* (2007). Promoting rural municipalities to attract new residents. An evaluation of the effects. *Geoforum*, 38, 698–809.

23. *Pinilla, V., M.I. Ayuda & L. Saez.* (2008). Rural depopulation and the migration turnaround in Mediterranean Western Europe: A case study of Aragon. *Journal of Rural and Community Development*, 3, 1–22.

24. *Stockdale, A.* (2010). The diverse geographies of rural gentrification in Scotland. *Journal of Rural Studies*, Vol. 26, Iss. 1, 31–40.

25. *Vanolo, A.* (2008). The image of the creative city: some reflections on urban branding in Turin. *Cities*, 25, 370–382.

Information about the authors

Volkov, Sergey Konstantinovich (Volgograd, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Economy and Entrepreneurship Department, Volgograd State Technical University (28, Lenin av., Volgograd, 400005, Russia, e-mail: ambiente2@rambler.ru).

Ketko, Nataliya Vladimirovna (Volgograd, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor at the Information Systems in Economics Department, Volgograd State Technical University (28, Lenin av., Volgograd, 400005, Russia, e-mail: gsa-buch@list.ru).

Поступила в редколлегию 03.08.2020.

После доработки 01.09.2020.

Принята к публикации 02.09.2020.

© Волков С.К., Кетько Н.В., 2020